

XXIX МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

АЗИЯ И АФРИКА: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

21–23 июня 2017

Том 2

Vol. 2

21–23 June 2017

XXIX International Congress
on Historiography and Source Studies of Asia and Africa

ASIA AND AFRICA: THEIR HERITAGE AND MODERNITY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
THE FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

XXIX International Congress
on Historiography and Source Studies
of Asia and Africa

**ASIA AND AFRICA:
THEIR HERITAGE AND MODERNITY**

Vol. 2

21–23 June 2017

Proceedings

St. Petersburg
2017

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

XXIX Международный конгресс
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

АЗИЯ И АФРИКА: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Том 2

21–23 июня 2017 г.

Материалы конгресса

Санкт-Петербург
2017

ББК 63.3(5)+63.3(6)

A35

*Издание материалов конгресса осуществлено
при финансовой поддержке:*

Штаб-квартиры Институтов Конфуция,

Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии Корееведения (AKS-2016-OLU-2250002),

РГНФ, проект № 17-01-14039г

A 35 Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. — СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. — Т. 2. — 492 с.

Asia and Africa: their Heritage and Modernity. XXIX International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa. 21–23 June 2017 / Ed. by N. N. Dyakov, A. S. Matveev. St. Petersburg: NP-PRINT, 2017. — Vol. 2. — 492 p.

ББК 63.3(5)+63.3(6)

ISBN 978-5-901724-36-1 (т. 2)

ISBN 978-5-901724-34-7

© Авторы сборника, 2017

© СПбГУ, 2017

особого состояния страны: ей покровительствуют божества-ками. По мнению Дзиэна, две самые значимых рода в стране — государев род и род регентов Фудзивара. Их главенство обусловлено волей Аматаэрасу, которая заключила договор с другими божествами-предками для поддержания должного порядка в стране, для установления определенных форм правления в различные периоды ухудшения кальпы и обещала хранить государев род до сотого правления. Это так называемое *хякуо сисо*, представление о ста правлениях, также распространенное в средние века в Японии.

Слово *синкоку* не встречается в Гукансё, однако этот исторический труд описывает Японию как вотчину Аматаэрасу. В циклах стихотворений Дзиэн неоднократно используется термин *синкоку* и синонимичный ему в то время *Аматаэрасу-но кун*, «земля Аматаэрасу». Например, в послесловии цикла *Сикидай хякусю* («Сто строф о временах года») для святилища в Исэ (1220 г.) Дзиэн пишет: «Наша страна Ямаго — земля богини Аматаэрасу, поэтому [в стране] полной мере смогли осуществиться Принципы, которые следует почитать».

В своих произведениях Дзиэн прямо указывал на огромное значение японского языка и японской поэзии. Он считал, что японский язык, в частности, японская поэзия *вака*, обладают силой и возможностью выразить обе истины — мирскую (俗諦) и абсолютную, неизменную (真諦). (Теория о двух истинах — важнейший методологический ориентир школы Тэндай.) Дзиэн рассматривал японский язык и японскую поэзию как средство передачи буддийского опыта и как объект религиозного познания.

Таким образом, в проникнутых буддийской философией работах Дзиэна мы видим неизменный набор тем, характерный для учения о Японии как «земле богов» (*синкоку сисо*): непрерывность императорской династии, покровительство местных божеств и поэзия *вака* как путь к просветлению.

Филиппов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Япония от революции Мэйдзи до века информационных технологий: изменения в языковой культуре (попытка периодизации)

Поскольку в 2018 году отмечается 150-летие буржуазной революции Мэйдзи — попытка взглянуть на японскую историю под таким углом зрения представляет немалый интерес. Япония сегодня воспринимается как страна с необычайно сильными устоями традиций. В то же самое время принято относить ее и к числу наиболее передовых и современных. Причем и то, и другое вполне увязываемо как с *политико-экономической сферой*, так и с *социально-культурной*. Все это в значительной мере оказывается связано с процессом *интернационализации, глобализации, интеграции* в мировое

сообщество. Попробуем взглянуть, в какой степени последние полтора столетия повлияли не только на культуру социума, но и на сам японский язык. Для этого следует обратить внимание на основные вехи японской истории с буржуазной¹ революции Мэйдзи 1867–1868 гг.

Буржуазная революция вывела Японию в большой мир, оказавшись рубежом, отделяющим «строго традиционную Японию» от Японии современной. Не будем подвергать сомнению силу ее традиций. Обратимся к пристальному рассмотрению того, как изменения в социально-экономическом строе и политике влияли на различные аспекты культуры. До сер. XIX в. Япония принадлежала исключительно к дальневосточному культурному ареалу. В XVII–XIX вв. географическую, островную изолированность усугубляла еще и «политика национальной самоизоляции». Столь длительный отрыв от внешнего мира способствовал накоплению внутренних этнопсихологических резервов, которые помогли избежать порабощения державами и колониальной зависимости. С «выходом в большой мир» избежать опасности закабаления помогли уже и такие методы как возвращение шовинизма, национализма, активная подготовка к внешней экспансии. При этом использовалось обращение к «уникальным японским традициям», которые активно насаждались в национальном самосознании (принципы конфуцианства, религии синто и проч.).

Канун буржуазной революции Мэйдзи, строго говоря, предшествующие полстолетия (перв. пол. XIX в.) — как этап угасания феодального строя — сопровождался постепенным развитием рыночных отношений в национальном масштабе. Все очевиднее становилось проявление товарной специализации регионов, укрепление товарных связей между ними. Сопутствовали тому и серьезные социальные изменения. Существование системы «четырёх сословий» (военные—земледельцы—ремесленники—торговцы) оказывается под угрозой распада. Крестьяне не могли прокормить семью и обратились к отходническим промыслам в городах, а в деревне продолжало сокращаться производство основного общественного продукта — риса, падали налоговые поступления в казну, усугубляя ситуацию. Насильственное возвращение крестьян «в родную деревню» — не спасало от проблем. Относительная централизация страны при сёгунах, согласно системе *бакухан* — предполагала определенный паритет

¹ В нижеследующем тексте автор сознательно опирается на терминологию, сложившуюся в советской исторической науке, которая часто незаслуженно игнорируется и передается забвению в последние десятилетия. По мнению автора, поддержание терминологических стандартов способствует четкости в выявлении логических связей при изложении истории наряду с возможностью отдать должное заслугам ученых, сделавших весомый вклад в отечественную науку на протяжении XX в. Имеются в виду не только исторические термины, но и такие редко упоминаемые ныне сокращения как ГМК, НТР, ЭВМ, ЧПУ, СМИ и проч.

власти центрального правительства и глав отдельных феодальных княжеств. В таких условиях отсутствие миграции в стране — мешало процессам развития действительно общенациональной, единой культуры и единого языка. Так что, во-первых, для этого этапа существование *множества сильно отличающихся диалектов* было вполне закономерным. А жесткие рамки сословной системы, опору которой обеспечивали и патриархальные принципы конфуцианства обусловило и наличие других специфических черт японского языка того времени. Тогда, во-вторых, это наличие *множества языковых категорий, связанных с проявлением уважения к собеседнику* (формы вежливости, направленности действия, различия в лексике и т. д.). И, в-третьих, сильнейшие *различия в мужской и женской речи*. Хотя сегодня все эти моменты и присутствуют в японском языке — но их проявления слабее не просто многократно, а, видимо, в десятки раз. Наконец, в-четвертых, *ограниченное распространение письменности*. Владение ею предполагало принадлежность к определенной элите (пусть даже к таковой придется относить и горожан — в отличие от крестьян). Это **основные характеристики информационной среды и языковой ситуации** в середине XIX века, накануне Мэйдзи. Еще не было условий для повсеместной доступности рукописных либо печатных текстов. Появление первых печатных листков, сопоставимых со своего рода газетными изданиями — не означало распространения их в региональном, и тем более, национальном масштабе. Таковой Япония вышла к буржуазной революции, принесшей бурное развитие страны во многих отношениях.

По японской системе периодизации **новая история киндай** 近代 охватывает период с революции Мэйдзи до окончания Второй мировой войны (сер. XIX — сер. XX в.). С американской оккупации страны в 1945 начинается **новейшая история гэндай** 現代, вполне отражая реалии эволюции японского общества. Однако, эти базовые исторические периоды вполне логично представить и более подробно, учитывая кардинальные изменения в жизни страны. В рассматриваемом контексте представляется вполне уместным выделить в рамках новой и новейшей истории нижеследующие 6 этапов:

- втор. пол. XIX в. (начало буржуазной «модернизации» и прохождение доминирующей стадии развития);
- перв. пол. XX в. (развитие «модернизации» и период экспансии до поражения в 1945);
- 1945–1952 («шок» американской оккупации и всеобщей разрухи);
- 1955–1970 — «экономическое чудо» (период высоких темпов экономического роста и эффективного развития ГМК — государственно-монополистического капитализма);
- 80–90-е годы XX в. (период средних темпов развития, экономики «мыльного пузыря» и усиления политической роли в мировом сообществе, очередного витка в развитии НТР — научно-технической революции);

- современность (затянувшаяся стагнация с краткими этапами экономического оживления, стимулирование «интернационализации» во всех сферах, рост компьютеризации и удельного веса Ай-Ти — информационных технологий и систем электронной коммуникации).

Рассмотрение японской истории в таком преломлении органично вписывается в представления об этапах развития средств производства в истории человечества. До революции Мэйдзи страна находилась на *ремесленно-мануфактурной стадии*; при сохранении ремесленного производства наблюдалось и заметное развитие мануфактуры — как частной (крупных феодалов и оптовиков), так и казенной (государственной)¹. «Модернизация» втор. пол. XIX в. связана с *бурным развитием фабрично-заводского производства*. Ускоренные темпы быстро вывели Японию на высокий уровень монополистического развития, обеспечившего возможность конкурировать с ведущими державами и войти в их число. Продолжение модернизации в перв. пол. XX в. предполагало *развитие отраслей промышленности*, призванных помочь в борьбе за сферы влияния, в экспансии, получении новых рынков сбыта. Шла дальнейшая интеграция Японии в мировое сообщество по пути грядущей глобализации — своего рода «интернационализация» в форме экспансии. Развивалась военное производство, внедрялись передовые технологии в тяжелой индустрии, производстве средств производства. Ориентир на военные отрасли обусловило стремление к завоеваниям, новым рынкам сырья и сбыта. Впрочем, даже получив богатые нефтью территории в годы Второй мировой войны, японцы не смогли наладить добычу по вполне понятной причине — нехватка квалифицированных кадров на местах. Вплоть до оккупации Японии ориентиры развития отраслей производства преимущественно были направлены на **группу А** в производственной сфере (тяжелая и добывающая промышленность). «Экономическое чудо» вывело Японию на новый этап. Эпоха НТР способствовала широкому распространению ЭВМ, станков с ЧПУ (с числовым программным управлением), что подготовило вступление Японии (и остального мира) в эпоху Ай-Ти. Ориентиры на экспорт во времена «экономического чуда» сместили приоритеты к **группе Б** производственной сферы (производство предметов потребления)». Впрочем, непродовственная сфера (сфера услуг, либо «третичный» сектор по японской классификации 第三次産業) был весьма важен и для Японии 1960–1970-х годов — в нем было занято до 40–50% работающих, а ныне — свыше 70%. Таким образом, приход эпохи информационных технологий в 90-е годы сместил экономические приоритеты в сторону непродовственной сферы — «третичного» сектора. Важность информаци-

¹ См., напр.: Зенина Л. В. Японская мануфактура XVIII — перв. пол. XIX в. / Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 3, № 14. Л., 1979. С. 38–43; Зенина Л. В. Японские историки о развитии мануфактуры в Японии XVIII — перв. пол. XIX в. / Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 1, № 2. Л., 1975. С. 48–64.

онных технологий для производства и бизнеса — делает сферу коммуникаций родственной «третичному сектору», даже позволяет, пусть условно, поднять вопрос о «четвертичном секторе» экономики, связанном с коммуникациями, интернетом и компьютерами.

Теперь рассмотрим названные шесть этапов подробнее.

1. **Втор. пол. XIX — нач. XX века** стали для Японии периодом небывалых темпов развития во всех сферах, получив вполне заслуженно определение «модернизации-киндайка 近代化». С учетом следующего очевидного рубежа («шока» американской оккупации и, вместе с тем, нового витка в восприятии западной и американской культуры) — уместно согласиться, что период продлился до 1945 г., когда в «модернизации» наступила новая фаза «американизации». Поэтому сер. XIX — сер. XX в. в японской историографии именуется «новой историей» *киндай*, когда стремительно развивавшаяся страна сумела и войти в число сильных держав, и добиться неоспоримых успехов в капиталистическом развитии. Впрочем, это не означало отсутствия следов отсталости и полуфеодальных пережитков в отдельных сферах. Ситуация с распространением в стране элементов материальной культуры «Запада» всемерно отражена в монографиях Л. Д. Гришелёвой и Н. И. Чегодарь¹. С точки зрения эволюции всего комплекса культуры, изменений в стандартах и нюансах поведения, «причесывания Японии под Запад» — неоценимый вклад в науку внесен рядом монографий А. Н. Мещерякова². Именно в это время сформировались японская нация, которую мы сейчас знаем. Государство всячески поощряло эту тенденцию, способствуя оформлению жесткого режима, способного противостоять внешней угрозе. Япония смогла создать достойную базу для реального отпора державам (включая акты внешней экспансии еще и до войн с Китаем и Россией). Крестьянскую Японию времен сёгунов сменило единое буржуазное государство, применявшее часто даже якобы «традицию» в целях лучшего осознания подданными своей «уникальности и избранности». Феодалные устои и внешние культурные заимствования эффективно использовались в новых условиях, уже во имя укрепления агрессивного буржуазного национализма. Со втор. пол. XIX в. шли серьезнейшие изменения и в куль-

¹ Имеются в виду три монографии, хронологически освещающие изменения в японской культуре на основных этапах истории страны: 1) Гришелёва Л. Д. Формирование японской национальной культуры (конец XVI — начало XX вв.). М.: Наука: ГРВЛ, 1986. С. 286. 2) Гришелёва Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура нового времени. М.: «Вост. лит.» РАН, 1998. С. 249. 3) Гришелёва Л. Д., Чегодарь Н. И. Культура послевоенной Японии. М.: Наука, 1981. С. 215.

² См., напр.: Мещеряков А. Н. Книга японских символов. М.: Наталис, 2004; Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи его Япония. М.: Наталис, 2009; Мещеряков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010; Мещеряков А. Н. Статья японцем. М.: Эксмо, 2012.

турной сфере. Ускоренными темпами шло формирование национальной общности, появились *тенденции отхода от региональных диалектов и началу складывания единого языка*.

2. Первая половина XX в. продолжала названные тенденции в условиях развития политики национализма и внешней экспансии. Тоталитарный режим японской государственной машины способствовал слаженному функционированию всех ее механизмов, а диктаторские методы вынуждали каждого японца к повинению. Идеологический диктат и силовые методы воспитания стимулировали проявление единообразия в поведении граждан. Существование цензуры, запрет политпартий, изменения в формах, методах и содержании школьных программ, развитие пропаганды фашизма и социальной демагогии в 30-х годах — способствовали весьма длительному поддержанию жизнеспособности режима вплоть до 1945 г. Сегодня принято считать японцев пунктуальными, однако, как отмечал А. Н. Мещеряков — навыки эти прививали им в сочетании с иными жестокими методами тоталитарного режима¹. К этому же времени относится и формирование привычки к деловому костюму и военной униформе, соответствующих причесок и проч., о чем много говорилось в работах Е. М. Османова². Сочетание методов фашистского режима с «традицией»³ оставило свои следы в национальных стереотипах поведения. Объединение японцами «восьми углов света под одной крышей» *хакко-итиу* 八紘一字, созыв совещаний Великой Восточноазиатской сферы процветания 大東亜共栄圏 (*Дай Тоа кэйикэн*) для правительств покоренных стран, подобие единой политической партии в форме Ассоциации помощи трону 大政翼賛會 (*Тайсэй ёкусанкай*), создание «соседских объединений» *тонари-гуми* 隣組 (базовой обязанностью их членов была слежка за благонадежностью соседей да своевременность доносов в надлежющие инстанции) — это лишь некоторые из примеров совмещения на практике новой идеологии со старыми традициями в годы Второй мировой войны. Все это способствовало появлению законопослушного японца как по духу, так и по форме (до ее мельчайших деталей). Народ Японии, где основным видом производственной деятельности было заливное рисосеяние — отличается стойким *«групповым*

¹ Подробнее см.: Мещеряков А. Н. Быть японцем: История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Эксмо, 2012. С. 137.

² См., напр.: Османов Е. М. История становления японской императорской армии и флота: 1868–1894: диссертация на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. СПб, 2005. С. 306.

³ Факты эффективного использования традиционных ценностей фашистским режимом и отражение этого в японоведных исследованиях тех лет — и поныне порою для некоторых ученых обращается в повод настороженно относиться к классике. Например, даже к уникальному труду о конфуцианстве: Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1947. С. 451.

сознанием». Нередко для обозначения такого «чувства группы» у японцев (да и иных народов Дальнего Востока) применяют странное для русского восприятия слово «группизм», хотя оно и отражает японское понятие *дантай-сюги* 団體主義. Основное отличие японской культуры от «западной» связывают именно с групповым поведением в отличие от присущего европейцам и американцам индивидуализма, желания выделиться, отличаться от других¹. Для самих японцев проявления индивидуализма, напротив, не свойственны, являясь чем-то постыдным. Склонность к защите своей группы, отстаивание ее интересов, готовность до конца быть «винтиком и колесиком» в машине тоталитарного государства — эти и так привычные японцам понятия (близкие к феодальным, ремесленно-цеховым) были закреплены еще надежнее, став неотъемлемой частью массового сознания. В этих условиях, национальное радиовещание и СМИ существенно способствовали официальному оформлению и окончательному закреплению единого для страны стандартного японского языка *хэйдзюн-го* 標準語, оставляя столь значимым до революции Мэйдзи диалектам второстепенную роль.

3. 1945 год стал для Японии рубежом, означавшим по японским критериям наступление для страны «новой истории» *гэндай*. Важность этой вехи связана с поражением Японии в войне, постепенной репатриацией служивших долгие годы на завоеванных территориях, американской оккупацией и чередой противоречивых преобразований, происходивших до начала 50-х годов согласно диктату американского Штаба оккупационных войск. В целом, втор. пол. XX в. для Японии — это путь от ужасающей нищеты времен оккупации, через поразительное японское экономическое чудо — к стабильной благоустроенности жизни «второй экономической державы мира». Американская оккупация явилась для Японии «шоком», став и очередным шагом для нового воздействия культуры Запада и США. Время американской оккупации Японии (1945–1951, или 1945–1952 гг.) делится на 2 этапа. Для начального этапа (до 1948–1949 гг., кануна появления на Дальнем Востоке нового государства — КНР) были характерны устремления по созданию «новой, свободной Японии» наряду с желанием США навсегда вывести из числа сильных держав поверженного японского врага. Лозунг первых лет — 3-D — предполагал проведение в Японии демилитаризации, демократизации и декартелизации (уничтожения концернов, как экономической силы, развязавшей Тихоокеанскую войну с США). Этап «обратного курса» наступил в 1948–1949 гг., когда США потребовался на Дальнем Востоке новый партнер (в меру экономически сильный, как минимум, твердо стоящий на ногах) вместо принесшего полное разочарование Китая. Впрочем, отдельные проведенные

¹ См., напр.: *Yamazaki Masakazu. Individualism and the Japanese: An Alternative Approach to Cultural Comparison/ Transl. by Sugihara Barbara. Tokyo: Japan Echo Inc., 1994.*

преобразования отыграть назад уже не получилось — поэтому в Японии и поныне действует чрезвычайно «миролюбивая» Конституция 1947 г. Попытка «поставить Японию на ноги» потребовала немалых сил, включая и усилия по преодолению пассивного саботажа первых лет оккупации, и разработки комплекса мер по оживлению и стабилизации экономики (оставшихся в истории связанными с «линией Доджа» и «миссией Шоупа»). Вехой, завершившей период американской оккупации стало заключение Сан-Францисского мирного договора 1951 г. (годом позже вступившего в силу) в отечественной традиции именовавшегося сепаратным. СССР не был склонен следовать диктату США и послушно подписывать документ, должным образом не согласованный со страной Советов. Попутным следствием этого для нас оказалось отсутствие и поныне мирного договора с Японией.

Комплекс послевоенных преобразований в Японии имел очень сильный привкус «американизации» культуры в целом, став очередным периодом иноземных заимствований, к которым Япония неоднократно обращалась на протяжении истории. В чреде реформ послевоенных лет нашлось место попыткам кардинальных реформ письменности. В условиях оккупации обсуждался и возникавший уже ранее вопрос об отказе от иероглифики с переходом на латиницу. К счастью, идея не была воплощена в жизнь — ибо в японском языке много слов транскрибируется одинаково (без иероглифа смысл либо выхолащивается, либо неопределим). В итоге, реформа была проведена в ином ключе в ноябре 1946 был определен переход к списку «общеупотребительных иероглифов» *тоё-кандзи* 当用漢字, составившего лишь 1850 иероглифов плюс еще 92 для записи имен. На уточнение деталей потребовалось еще несколько лет, ряд таблиц-списков появился лишь в 1948–1949 гг. Спустя несколько десятилетий, в 1981 г. создали, как принято считать, более адекватный список из 2136 иероглифов для «повседневного употребления» *дзёё-кандзи* 常用漢字. С одной стороны, это положило конец спорам о возможном отказе от иероглифики вообще. С другой стороны, привело к появлению «иероглифического минимума» при отказе от полного написания ряда знаков в пользу их сокращений. Таким образом, реформа иероглифики стала неким «культурным рубежом», за порогом остался весь исторический пласт «старых иероглифов», знание которых перестало быть обязательным. Подобные реформы имели место и в других странах Дальнего Востока. И всегда предполагали некую культурную деградацию по сравнению с традицией. Для оценки «объема потерь» достаточно упоминания о полном словаре японской иероглифики под редакцией Морохаси Тэцудзи в 13 томах, который содержит 48 902 иероглифических знака¹.

¹ Дайканва дзитэн = Большой толковый японский иероглифический словарь: В 13 т. / Сост. МОРОХАСИ Тэцудзи. Токио: Дайсюкан сётэн, 1971. 大漢和辞典。諸橋轍次著。全13巻。東京：大修館書店、昭和46年。

4. В 1950–1970-е гг. (1955–1970 гг. — период высоких темпов роста¹) Япония прославилась благодаря «экономическому чуду» — за счет активизации процессов НТР, переориентации на производство товаров потребления, экспорта и эволюции сферы услуг («третичного» сектора). Причины роста экономики связаны и с низкими затратами (несопоставимая с Западом заработная плата), и с традиционным бытом (способствующим аккуратности), со скупкой лицензий и проч. Можно увидеть проявление «интернационализации» не только в привлечении иноземных разработок, но и в экспортно-ориентированной модели производства Японии в те годы. По воле обстоятельств именно в 60-х годах Япония и США, наконец, смогли наладить обоюдовыгодный диалог благодаря пребыванию на посту посла в Японии известнейшего японоведа Э. Рэйшауэра.

На первый взгляд, этот этап не принес кардинальных изменений в языковую культуру. Но именно тогда происходили процессы, в дальнейшем оказавшие на нее важное влияние. Выделим два таких момента.

Первый — связан с тем, что при проникновении на зарубежные рынки с «товарами потребления» учитывался международный маркетинг и конкурентоспособность японской продукции. Японцы крайне внимательно относились к наименованию товаров, поставляемых за пределы страны. Так, порой не готовы были выпускать товар на внешний рынок, полагая слово неблагозвучным для иностранцев. 1. Например, в названии напоминающего жидкий йогурт напиток Calpis = Кальпис японцам чудилось сходство с cow-piss. В итоге, когда в начале 1970-х гг. все же были начаты поставки в Северную Америку, напиток был переименован в Calpico = Кальпико (как более созвучное Coca-Cola). 2. Появились и новые, ранее не существовавшие англоязычные наименования товаров. Так, в 1979 г. первый портативный кассетный плеер корпорации Сони назвали Walkman = Человек на прогулке (специально придумав слово), создав новый бренд. И подобных случаев, когда искусственно созданная лексика входила в широкое употребление чрезвычайно много.

Второй момент — связан с развитием телевидения, ставшего и новым инструментом в объединении нации, и предвестником следующей, компьютерно-мобильной, эпохи. Попробуем остановиться на истории его распространения чуть подробнее. Разработки технологии теле вещания компанией NHK начались еще в 1931 г., а уже в марте-мае 1939 г. система теле вещания прошла тестовые испытания. В 1953 г. на всю Японию было менее тысячи телевизоров, да и то преимущественно в точках общепита и банных заведениях столицы.

¹ Подробнее см.: Филиппов А. В. Экономика, политика и социум Японии (втор. пол. XX — нач. XXI в.) — попытка периодизации // Японоведение сегодня (общество, культура, язык): Мат-лы рос. и яп. иссл., представленные в рамках мероприятий, посвященных 120-летию со дня рождения Н. А. Невского (Issues of Japanology = Вопросы японоведения № 4). Коллективная монография: Т. 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 364–395.

Цена «диковинного» аппарата в 250 тыс. йен (на сегодня — ок. \$2200) была непомерна для среднего служащего с зарплатой в 30 тыс. йен в месяц. Люди дивились ему как на радио, в котором можно что-то увидеть, и на то, как туда попали люди. Регулярное телевидение, начавшееся в феврале 1953 г. шло лишь 4 часа в сутки. Первым толчком к массовому распространению телевидения стал «бум вокруг Митико». Невеста наследного принца «из просто-народья» (дочь президента крупной компании, но не аристократка) вызывала бурный восторг простых японцев, мечтавших увидеть свадьбу по телевизору. И ко дню бракосочетания в апреле 1959 г. обладателями телевизоров в Японии оказалось уже 2 млн чел., сделав телевидение массовым увлечением. Практически тогда же, в 1953–1954 гг. были обеспечены возможности цветного телевидения, стартовавшего с 1960 г. К проводившейся же впервые в Азии Токийской олимпиаде 1964 г. — японцы бросились покупать цветные телевизоры, желая увидеть Олимпиаду в красках. Телевидение как предшественник компьютеров объединило нацию и фактически навязало единую языковую культуру. Именно тогда во всеобщем распространении стандартного языка *хёдзюго* 標準語 (наддиалектного) видную роль стали играть уже не только газеты-журналы и радиовещание (как в довоенное время), но и телевидение.

5. 1980–1990-е гг. принесли Японии, наконец-то, успехи уже и во внешней политике. Благодаря премьеру Накасонэ Ясухиро — более значимая роль в рядах «большой семерки», усилия по присоединению к НАТО, новый для Японии, почти панибратский имидж, диалог «почти равных» в общении с президентом США Рональдом Рейганом (взаимное обращение «Рон-Ясу» — ранее неприемлемое в изыскано-вежливой японской культуре). Именно признания политической роли в мире Японии и не хватало, несмотря на экономическую мощь. После конъюнктурного всплеска экономики «мыльного пузыря» 1986–1991 гг. пришло замедление темпов ее роста¹. На фоне постепенного перехода к новому этапу НТР, связанному с компьютерами и информационными технологиями — в семьях простых японцев набирало силу повальное увлечение электронной техникой.

Если еще в начале 1960-х гг. появилось понятие *тэрэбикко* (ребенок, безотрывно привязанный к телевизору), то 1980–1990-е гг. принесли новый формат детских развлечений — *фамикон* (family computer, если номинально — семейный компьютер). В реальности так называли игровые приставки к телевизору, крайне притягательные для детей. Как увлечение телевидением, так и распространение компьютерных игр оказали серьезное воздействие на общее падение уровня образования и самого интереса к учебе. Несколько позже таковую же роль начали играть личные компьютеры, планшеты, мобильные телефоны, смартфоны и проч. Существенный технологический прорыв, связанный

¹ Там же, с. 369.

с компьютерами — оказал разнонаправленное влияние на японский язык, особенно — на отношение к письменности. Так, стало фактически ненужным умение написать иероглиф — при использовании компьютера достаточно выбрать вариант из предложенных. В целом, падение уровня образования — логичное следствие роста технической оснащённости, которая лишь усилилась на рубеже веков.

Остановимся особо на некоторых деталях распространения компьютерных технологий в Японии. С компьютерами связаны предпосылки современной ситуации — особенности японского языка как средства письменного общения и «выхода в мир». Предшественником персональных компьютеров в Японии были «текстовые процессоры» *ва-пуро* (англ. word-processor стало сокращением). Первый из них JW-10, адекватно работавший с японским языком, выпустила компания Тосиба в 1978. Его цена впечатляла — 6,3 млн. йен (на сегодня ок. \$55 тыс., при тогдашнем курсе ок. \$20 тыс.); о цветном дисплее тогда и не мечтали. Производство *ва-пуро* в Японии прекратили в 2001 г. ввиду падения продаж на фоне популярности компьютеров (в США в 2009 г. две компании еще производили эту технику). Развитие компьютеризации в Японии сер. 1990-х представляло конкуренцию трех компьютерных систем. *Во-первых*, чисто японские компьютеры, известные как «серия PC-98» (PC-9800 シリーズ) производства компании NEC и выпускавшиеся в 1982–1999 (2000) гг. *Во-вторых*, компьютеры Mac/Apple, также имевшие свою нишу (несерийный Apple I создан в 1976, а серийный и популярный — первый персональный компьютер мира Apple II вышел в 1977 г.). И, наконец, *в-третьих*, IBM-совместимые модели (IBM対応), некогда известные как IBM PC, появление которых относится к 1981, а затем их модификации XT/AT (с 1983 и 1984 г. соответственно). Поначалу успехи Ай-Би-Эм моделей обеспечила первая версия графического интерфейса Windows в 1985, а популярность пришла с версиями Windows 3.0 и 3.1 (в 1990 и 1992 г.). Развитие интерфейса Windows и компьютеров стало и толчком для дальнейшей интернационализации в общении со всем миром.

Ранние версии поддерживали лишь два языка, не более. Английский в основе операционной системы — плюс второй character-set для «локализации» под страну применения. Совмещение трех языков было практически невозможно. Пример из тех лет связан с последними монографиями В. Н. Горегляда, набранными шрифтом, где на месте английских символов стояли русские буквы (изд-во Петербургское Востоковедение хорошо помнит какие проблемы это вызывало в 1990-е годы). Для Японии и стран Дальнего Востока необходимость иероглифики в основе операционной системы — делала задачу на порядок сложнее. Если управление компьютером определяла установка операционной системы DOS, то для Японии он был непригоден из-за отсутствия иероглифики — вместо нее применялась японская DOS/V (произносившая как «досу буй»), программы для IBM-совместимой техники

называли и «досу буй тайо DOS/V対応», а не только IBM対応. Собственно, впоследствии стали говорить о Windows-совместимых компьютерах и программах. Проблемы локальных языковых версий систем с иероглификой связаны с тем, что недостаточно стандартной кодовой таблицы символов (для алфавитов европейских — 256 знаков, 128 на англ. знаки, еще 128 для локального, местного языка, напр., русского); стандарт — это однобайтовая, или 8-битная, кодировка. Для иероглифики применяют таблицы символов с двухбайтовой (2 バイトコード), 16-битной (16ビット) кодировкой, где знакомест уже 65 636, т. е. вполне достаточно для размещения тысяч и десятков тысяч иероглифов.

Прорывом в проблеме «двуязычных» компьютеров стало появление в 1995 г. многозадачной системы Windows-95; где можно рассчитывать на три и более языков в тексте. Поддержке многоязычности помогло появление с 1991 г. кодировки Юникод, а затем такого Юникод-формата как UTF-8. Ранее использование русских букв в японской языковой среде (японские Windows) означало буквы из японского шрифта. Они как иероглифы по очертаниям стремились к квадрату — были чрезмерно широки. Буквы же в европейских языках имеют «половинную» ширину, визуальнo более «стройны». По-японски говорят о символах «полноширинных, в полную ширину» *дзэннакаку* 全角 (двухбайтовых) для иероглифов и узких «полуширинных, в половину ширины» *ханнакаку* 半角 для стандартных алфавитов. Издания 1990-х годов с русским и японским языками отличала странность в излишней ширине русских букв.

Но подлинно «многоязычную гармонию» принесла система Windows-7 (версии Ultimate=Максимальная), вышедшая в 2009. Новые возможности применения ряда языков позволили почти «на лету» менять локальный язык меню и даже системных шрифтов, лежащих в основе системы. Это дало шансы лучшей совместимости с локальными, местными версиями программ даже в среде японских Windows. Хотя для японцев предпочтительнее, чтобы устанавливаемая под японскими Windows дополнительная программа имела и английский интерфейс (а не только русский, немецкий, французский). Ибо английский лежит в основе операционной системы и не войдет в противоречие с японской средой (японским окружением). Позднейшие Windows 8 и 10 — лишь дальнейшее развитие принципа многоязычности и интернациональности, в т. ч. с опорой на Юникод-кодировки.

Но применение компьютеров, по сути, поддержало сокращение используемых иероглифов. Буквенный ввод иероглифики с клавиатуры с последующим выбором иероглифа из ряда одинаково читаемых предлагает лишь ограниченный их набор, наиболее частотный. Пользователя не отягощают большим выбором, предлагая лишь иероглифику из так наз. «первого ряда» 第一水準. Учитывая, что возникает и необходимость в редких иероглифах — был сформирован «второй ряд-уровень» 第二水準, активно применявшийся даже до Windows-95. Ввод иероглифов 2-го ряда предполагает знание кода конкретного

знака (по кодировке JIS, Shift-JIS либо 区点), либо рукописного ввода мышью. Хотя 1 и 2 ряд не покрывали всех потребностей — однако, возможность прописать шрифты для 3 и 4 ряда (第三・第四水準) была реализована лишь в 2000 г. (впрочем, набор уточнялся в 2004 и 2012 г.). Если 1-ый ряд включает 2965 знаков, 2-ой — 3390, 3-ий — 1259, а 4-ый — 2436, плюс неиероглифические знаки — 1183; то всего таким образом, на сегодня 11 233 знака. Это несравнимо меньше, чем в словаре Морохаси из 48 902 иероглифов; так что далеко не любое издание на сегодняшний день может быть выполнено на компьютере. Для поиска кода иероглифа, отнесенного ко 2, 3, 4 ряду наиболее удобны словари, именуемые «*Ва-пуро дзитэн*»¹, напоминая о машинах — текстовых процессорах *ва-пуро*. Названный JIS-код используем и в электронных словарях типа Ex-Word, и даже справочно приводится в современных серьезных иероглифических словарях, изданных на бумаге.

6. Пропаганда интернационализации-*кокусайка* 国際化 в Японии с 1990-х гг. шла параллельно с ослаблением системы традиционного менеджмента (за изучение и внедрение коего как раз тогда взялись страны Запада), усугубились и процессы разложения традиционных японских культурных ценностей. Этап с **90-х годов XX в. до второго десятилетия XXI в.** поставил две новые проблемы. Первая — непреходящая «дурная конъюнктура» и отсутствие подъема в экономике, сдерживание потребностей и отказ от привычной благоустроенности. Вторая — очередной прорыв в сфере информационных технологий дал толчок новым тенденциям в культуре и языке.

Но издержки «компьютеризации» жизни привели и к осложнениям — как физиологическим, так и социальным. Воздействие информационных технологий в бытовой сфере, культуре и языке затронуло даже здравоохранение. С 1990-х годов в Японии возникла проблема деформации больших пальцев рук у любителей текстовых СМС-сообщений на мобильных телефонах. Растет число заболеваний шеи и позвоночника, локтей и кистей рук у лиц, связанных с компьютерами. Подмена живого общения компьютерным привела к небывалому росту числа затворников *хики-комори* 引き籠り, месяцами и годами не покидающими домов. Нечего и говорить, что японский язык у таких лиц также обретает специфику, как и культурная среда, окружающая их значительно отлична от среды обычных людей.

Последний рывок в развитии систем коммуникации обеспечил развитие компьютерных социальных сетей, а затем распространение их в сфере мобильных устройств (ноутбуков, планшетов, смартфонов и проч.). Для понимания значительности этого прорыва — стоит иметь в виду, что еще в первой

¹ См., напр.: Консайдзу ва-пуро кандзи дзитэн = Компактный ‘ва-пуро’ словарь иероглифов. Токио: Сансэйдо, 1994. С. 851. コンサイス ワープロ 漢字辞典. 東京: 三省堂、1994年。

половине 1990-х для Японии из мобильных устройств распространенными были лишь *покэ-бэру* (pocket-bell). Чуть позже в России их знали как пейджеры. Звонивший на пейджер диктовал оператору устное сообщение абоненту. На раннем этапе предполагалось по получению абонентом оповещения – позвонить оператору; впоследствии сообщения уже поступали на экран пейджера в виде текста. На день сегодняшний, развитие информационных технологий, коммуникационных систем и социальных сетей, возможностей веерных рассылок по электронной почте — обусловили появление новых лексических пластов и новой языковой стилистики в письмах, блогах, при общении в соцсетях. Если ранее изучение сленга требовало длительного отбора данных, то ныне стал доступным огромный пласт таких текстов и рассылок. Все это несет видимые изменения в языке, его лексике, стиле, дает начало новым речевым и письменным жанрам, многократно увеличивает обращение к языковым заимствованиям. Нередко приводит к «чрезмерной интернационализации», идущей в ущерб японской культурной и языковой уникальности.

Витки истории экономики весьма четко соответствуют этапам трансформации культуры Японии и ее «интернационализации» за последние полтора столетия. Можно предложить несколько таких примеров-иллюстраций, показывающих объективные **причины для внешних культурных заимствований**:

- 1) эмиграция японцев со времен революции Мэйдзи (в надежде на заработки за пределами страны);
- 2) агрессия на Дальнем Востоке с одновременным неким приспособлением к культуре этого региона;
- 3) попытки возвращения потомков японцев-эмигрантов *никкэйдзин* 日系人 во втор. пол. XX в. выявили невозможность вписаться в рамки жизни на родине, но оказали «внешнее» воздействие на национальную японскую культуру;
- 4) ОПР (Официальная помощь развитию; ODA = Official Development Assistance) — часто программа для регионов, пострадавших от японской агрессии во Вторую мировую войну — не только проводник японской культуры в мире, но и путь для проникновения в Японию иноземной культуры через вовлеченных в ОПР сотрудников-японцев,
- 5) взаимодействию с мировой культурой помогла и предпринятая с 1970-х гг. диверсификация сырьевых рынков (начиная с нефтяных кризисов), и поиск новых рынков сбыта.

Даже за последние 50–60 лет (уж не говоря о полутора столетиях) Япония прошла длинный путь — от нищеты и разрухи, через период «экономического чуда» и пришедшего процветания до очередного застоя. **Исторические события непосредственно влияют на культуру, язык, речевые формы и даже**

на антропологию. Для своевременной реакции на изменения в культуре и языке Японии — необходимо постоянно держать руку на пульсе перемен, происходящих в экономике и истории страны. **Пример развития информационных технологий очень рельефно иллюстрирует происходящие в Японии перемены. Опасность разучиться писать иероглифы не за горами.** Япония все более интегрируется в мировую культуру, но при том неизбежно теряет очень многое в самобытности. Размывание же устоев национальной японской культуры, столь интересной для Запада и России — заставляет тем внимательнее заниматься ее изучением сегодня, поскольку завтра японская культура и язык вновь могут стать иными, потеряв еще одну грань своей уникальности.

Напомним, что целью создания данного опуса было отнюдь не детализированное изучение отдельных аспектов языковой культуры. Обозначенная в заголовке попытка выявить наиболее важные вехи, знаковые переломные моменты в их четкой соотнесенности с развитием экономики, истории и условий существования японского этноса — позволяет лучше осознать общую перспективу и дальнейшие тенденции в эволюции.

Фирсова В. С. (БАН, Санкт-Петербург)

Традиционная игра *ута-гарута* в зеркале японской культуры

Игры являются неотъемлемой частью мировой культуры. В докладе делается разносторонний анализ японской игры Ута-гарута (歌がるた — «поэтические карты»), воплощающей в себе традиционные элементы культуры Японии. Ута-гарута — очень любимая японцами игра, в которую обычно в кругу семьи играют в новогоднюю ночь. Кроме того, в Японии существует также и спортивный вариант этой игры Кё:ги карута (競技かるた — «спортивные карты»), который появился в начале XX в. На сегодняшний Кё:ги карута являются очень популярным явлением в современной жизни Японии. Это настоящий спорт с регламентированными правилами, турнирами, квалификациями игроков и профессиональными спортсменами. После выхода популярной манги «Тихаяфуру» Суэцугу Юки и снятому по ее мотивам аниме и фильму в Японии наблюдается настоящий бум этой игры. Так, в японской ассоциации Кё:ги карута зарегистрировано 1 млн чел.

В докладе будет рассмотрен историко-культурный и социальный аспект возникновения и развития игры. Также будет разносторонне рассмотрена значимость этой игры для современного японского общества. Будет также показано, что структура и правила игры полностью соответствуют японскому этикету и эстетическим представлениям японцев, и игра способствует развитию интереса к классической культуре в японском обществе.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ XIII.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ И ЮВА HISTORIOGRAPHY OF INDIA AND SOUTHEAST ASIA

<i>Stig Toft Madsen (Nordic Institute of Asian Studies, University of Copenhagen).</i> Jats and Jutland: Caste Identity Across Time and Space	5
<i>Атманова Ю. Г. (ИВ РАН, Москва).</i> Могольский дарительный портрет в свете письменных и изобразительных источников	6
<i>Бочковская А. В. (МГУ, Москва).</i> Амритбани: священный текст современных последователей Равидаса	8
<i>Горяева Л. В. (ИВ РАН, Москва).</i> Опыт построения документального нарратива в мемуарах Абдуллаха б.Абдулкадира Мунши (1796–1854)	9
<i>Григорьева Н. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург).</i> Ритуальные нарративы мыонгов как нематериальное культурное наследие: история изучения, перспективы, проблемы	10
<i>Демичев К. А. (НИУ РАНХИГС, Нижний Новгород).</i> «Путь любви» Прем Сумараг XVIII в. как источник изучения идеальной модели сикхского государства	12
<i>Донских В. В. (БАН, Санкт-Петербург).</i> Ретроспективный библиографический указатель христианской книги на индийских языках XVI–XVII вв.	13
<i>Дорохова И. А. (Петрозаводский госуниверситет).</i> Скандинавские корреспонденты Махатмы Ганди	15
<i>Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва).</i> Некоторые замечания о переводах «Камасутры»	17
<i>Карлова Е. М. (ГМ Востока, Москва).</i> Об одном бродячем сюжете в могольской миниатюре.....	18
<i>Кнорозова Е. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> К вопросу о вьетнамских традиционных энциклопедиях	26
<i>Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Технологии создания личного религиозного культа в борьбе против коммунистов в горах Вьетнама по воспоминаниям участников.....	27

XV. КРУГЛЫЙ СТОЛ:
«КИТАЙ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

ROUND TABLE DISCUSSION:
“LEGACY AND MODERNITY IN CHINA”

<i>Будаева Т. Б. (ИВ РАН, Москва). Старые театры пекинских домов землячеств Чжэнъицы и Хугуан хуэйгуань: история и современность</i>	132
<i>Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург). Академик В. М. Алексеев о преподавании истории Китая (по материалам Синологической картотеки ученого)</i>	134
<i>Комиссаров С. А. (ИАЭТ СО РАН; НГУ, Новосибирск), Соловьев А. И. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск). Мавзолей Цинь Шихуанди как неиссякаемый источник по истории Древнего Китая.....</i>	136
<i>Рысакова П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Образ Советского Союза и России в учебниках истории КНР в 2000-е гг.</i>	137
<i>Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Наследие КВЖД как фактор исторической памяти.....</i>	139

СЕКЦИЯ XVI.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНИИ
HISTORIOGRAPHY OF JAPAN

<i>Бабенко Е. (Новосибирский ГУ, Новосибирск). Японский медицинский трактат Исимпо как этнологический источник</i>	141
<i>Бабкова М. В. (ИВ РАН, Москва). «Беседа о постижении Пути» — отдельный памятник или Введение к «Вместилищу сути истинного Закона»?</i>	142
<i>Булацев С. Х. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Трактаты «Сюсинрон» и «Тайёрон» — средневековые источники по истории этикета японских воинских домов.....</i>	144
<i>Досовицкая В. В. (ИВ РАН, Москва). Англоязычная литература по истории внешней политики Японии первой половины XX в.</i>	145
<i>Дулина А. М. (ИСАА, МГУ, Москва). Концепции пространства и времени в учениях о богах: на примере сочинения «Наставление глупым детям о Хатиман» (начало XIV в.)</i>	146
<i>Климов А. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Описание медвежьего праздника японским исследователем Мацуда Дэндзюро</i>	147
<i>Климов В. Ю. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Конторские книги начала XIX в. по торговле японцев с айнами</i>	148

<i>Леленкова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Участие Японии и Индии в политической кампании за расширение состава Совета Безопасности ООН...</i>	150
<i>Маранджян К. Г. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Два неизвестных иллюстрированных свитка «эмакимоно» из коллекции ИВР РАН</i>	152
<i>Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А. (КФУ, Казань). «Идеальный мир» Нобуя Хамада — забытый источник по утопической мысли Дальнего Востока....</i>	153
<i>Михайлова С. А. (МГЛУ, Москва). Японские дипломаты в Петрограде в 1917 году: разные судьбы.....</i>	155
<i>Мотрохов А. И. (Харьков). Любовь и жизнь как страдание в поэтическом творчестве Яманоз Окура</i>	157
<i>Овчинникова Л. В. (ИСАА МГУ, Москва). Революционные события в России и активизация антияпонской борьбы в Корее в конце 10-х — 20-е гг. XX в. По страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства.....</i>	163
<i>Османов Е. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Специфика идеологического воспитания и особенности подготовки к прохождению военной службы японских школьников периода Мэйдзи (1868–1912)</i>	165
<i>Полхова Е. В. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург). Советская историография о Федерации экономических организаций, по материалам ежегодника «Япония».....</i>	166
<i>Речкалова А. А. (НГУ, Новосибирск). Генеалогические списки 武鑑 ぶかん</i>	168
<i>Симонова-Гудзенко Е. К. (ИСАА, МГУ, Москва). Мандала как источник по истории японских пространственных представлений</i>	169
<i>Синицын А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Японский доспех из частного собрания галереи «Касугаи», принадлежавший семье Вакэбэ, как исторический и этнографический памятник второй половины периода Эдо</i>	171
<i>Струве Даниил (Centre de Recherches sur les Civilisations d'Asie Orientale, Université Paris-Diderot). «Повесть о жизни Ванкю»: опыт прочтения</i>	173
<i>Торопыгина М. В. (ИВ РАН; ИВКА РГГУ, Москва). Минамото-но Тосиёри (1055–1129) о разнообразии форм стихотворений вака (по тексту «Тосиёри дзуйно»).....</i>	173
<i>Федянина В. А. (ИИЯ МГПУ, Москва). Представление о Японии как «земле богов» в начале XIII в. в работах монаха Дзиэн.....</i>	175
<i>Филлипов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Япония от революции Мэйдзи до века информационных технологий: изменения в языковой культуре (попытка периодизации)</i>	176
<i>Фирсова В. С. (БАН, Санкт-Петербург). Традиционная игра ута-гарута в зеркале японской культуры.....</i>	190
<i>Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Коллекция японских ксилографов И. А. Гошкевича в собрании ИВР РАН</i>	191

Научное издание

XXIX International Congress on Historiography
and Source Studies of Asia and Africa
“Asia and Africa: their Heritage and Modernity”

Proceedings

Vol. 2

XXIX Международный конгресс
по источниковедению и историографии стран Азии и Африки
«Азия и Африка: Наследие и современность»

Материалы конгресса

Том 2

Редактор А. С. Матвеев
Верстка и дизайн Е. В. Владимировой

Подписано в печать с авторского оригинал-макета
Формат 60 × 84/16. Печать офсетная
Печ. л. 30,75. Тираж 600 экз.
Заказ № 31862

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «НП-Принт»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала дом 199-201
Тел./факс: (812) 611-11-07

Санкт-Петербургский
государственный университет

Saint Petersburg State University

Санкт-Петербург
St. Petersburg

2017